

Е.В. Бакшутова, кандидат психологических наук, доцент кафедры
«Общей и социальной психологии»

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: в статье рассматривается проблема методологических подходов к изучению группового сознания большой группы, развивающейся и исторически устойчивой. Рассматривается модель представления группового сознания интеллигенции, ризоматическая система, включающая в себя такие аспекты группового сознания, как: миф, дискурс, конфликт, идентичность. Предложено понятие «дискурсивное опосредствование» группового сознания» для объяснения генезиса группового сознания идеологической группы.

Ключевые слова: групповое сознание, большая атипичная группа, внеструктурная модель, дискурсивное опосредствование, интеллигенция.

Теоретический анализ проблематики психологии больших социальных групп и группового сознания показал, что в условиях сдвига методологических парадигм и подходов в сторону либерализма и плюрализма, междисциплинарности, коммуникативной методологии, метапсихологии и многомерности, важнейшая предметная область социальной психологии оказалась наименее доступной для методологических и методических обновлений. Очевидно, что сегодня общество подвержено многомерным нелинейным процессам трансформации – группы распадаются, образуются новые, преобразовываются, модернизируются. Имеет место и реконструкция систем социальных отношений. На сегодняшний день недостаточно методологических приемов, сложившихся в психологии больших групп, оперирующих большими выборками, срезными приемами и количественными методами измерения, для объяснения и понимания закономерностей быстро протекающих актуальных процессов в больших группах, особенностей идентификации личности с большой группой, факторов, обеспечивающих одновременно устойчивость и развитие групп.

Гуманитарный подход в социальной психологии позволяет соотносить индивидуальное и социальное в психологии группы и синхронизировать исследовательские парадигмы, относящиеся к разным типам рациональности, в целях более глубокого и тонкого анализа группового сознания. На наш взгляд, необходима интеграция существующего исследовательского опыта, и адаптация «методологических синтезов» к изучению социально-психологических феноменов и явлений в современных условиях. Классический позитивистский способ познания и принципы активности, развития, историзма – позволяют изучать феномены группового сознания, его структуру в социально-исторической динамике. Неклассическая рациональность, «онтология Выготского» дают возможность для изучения дискурсивного опосредствования группового сознания и конструирования идентичности индивидов, особенностей группового дискурса и индивидуальных психографий, обусловленных групповой мифологией. Постнеклассический принцип познания позволяет рассматривать групповое сознание большой социальной группы как разветвленную сложную внеструктурную систему, обеспечивающую как развитие группы, так и ее историческую устойчивость вне экономических факторов.

В развитии идеи данного подхода нам близка позиция В.Е. Ключко, рассматривающего эволюцию психологического мышления от одномерно-бинарной логики классицизма к сложному психологическому мышлению с бинарно-тернарной логикой неклассицизма и сверх-сложному психологическому мышлению, т.е. многомерной логике постнеклассицизма, многомерному мышлению, в котором возможно присутствие и взаимодействие различных парадигм. Речь идет о том, что объектом исследования в постнеклассической науке выступают уникальные саморазвивающиеся системы. Интерес к ним не возникает внезапно. Каждый новый тип научной

рациональности, как отмечает В.С. Степин, позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (неклассика) [1]. Согласимся с В.Е. Ключко, который подчеркивает, что предмет науки сам перестраивается в ходе становления научного познания, которое постепенно поднимается на новые и более высокие уровни системного видения изучаемой реальности. Тенденции эти, в частности, проявляются в следующем: в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный); в становлении отдельных принципов, например, принципа детерминизма (примат внешней детерминации – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация); в росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление) [2].

Попытка реализации синтеза парадигм была предпринята нами в изучении группового сознания российской интеллигенции. Проблема эта составляет предмет различных гуманитарных наук, но социально-психологический анализ группового сознания интеллигенции всегда был затруднен в силу «несочетаемости» линейного способа познания и многомерного феномена. Интеллигенция, обладая рядом типичных для большой группы признаков, является атипичной, поскольку она дискурсивна. Дискурс представляет собой групповую совместную деятельность, благодаря которой конструируется групповая идентичность, производится групповой социальный капитал как возможность получения высокого социального статуса группой и индивидами и формируются культурные коды нации. Дискурсивное опосредствование, где социальное и орудийное опосредствование соединяются, порождает (конструирует) групповое сознание интеллигенции. Любой человек может попасть в дискурсивное поле интеллигенции, однако не каждый в него попадает, и тем более остается в нем. Легче всего это происходит в определенном социальном окружении, уже включенном в дискурс. Интенция эта может возникнуть и индивидуально, но через посредство дискурса – литературы, публицистики, «кухонных разговоров о судьбах мира». Попадая в интеллигентский дискурс как совокупность формальных текстов и актуальных высказываний, индивид участвует в разговоре не с другим индивидом, а с целым комплексом истин, мировоззренческих установок, идеологий, интерпретаций, связанных не с личностным самоопределением, а с самоопределением культуры, общественного развития и т.п.

Сознание интеллигенции как система – это непараллельная эволюция разнородных феноменов, происходящая не за счет дифференциации, а благодаря соединению разных линий развития, которое и создает устойчивость группы. Система эта имеет определенную специфику – несомненно, что мы имеем дело с целостностью группового сознания интеллигенции, с неко-

торой структуризацией, поскольку система состоит из элементов, находящихся во взаимосвязи друг с другом; система самодетерминируется и предполагает множественность моделей описания. Однако принципиально важная, на наш взгляд, характеристика группового сознания интеллигенции в качестве системы связана с тем, что она имеет не иерархическое, неуровневое строение, и у нее нет центра. Любой из названных нами элементов данной системы может рассматриваться в качестве системообразующего признака.

На наш взгляд, целям и задачам изучения группового сознания российской интеллигенции более соответствует модель системы, описанная Ж. Делезом и Ф. Гваттари – ризомы [3]. Это один из ведущих концептов постмодернистского языка, наряду с дискурсом, текстом и нарративом. Как справедливо отмечает Е.В. Пилюгина, это наименее популярный термин в словаре социально-гуманитарных наук, и объясняет это тем, что «концептуальный образ ризомы более сложный, неоднозначный, чем когнитивные пространства дискурса или нарратива. В нем больше коннотативных, эмоционально-оценочных составляющих, своеобразных «дополнительных измерений» и «переменных», что делает практически невозможным определение указанного понятия, а значит, существенно усложняет референции с ним других концептов. Осознание ноумена ризомы возможно посредством обнаружения признаков ризомы в тех или иных социальных явлениях» [4, только URL].

Ризома – (от фр. *rhizome* – корневище) – не замкнутая, не структурированная, не иерархизированная, не значимая, подвижно организованная система с децентрированным центром, все (условные) точки которой связаны между собой нелинейными связями. Если культура, основанная на центрировании (логоцентристская), уподобляется Ж. Делезом и Ф. Гваттари дереву, проросшему в голове, то ризоматическая – траве, скрытому стеблю, луковице, клубню, а также сети, которая всегда предлагает конъюнкцию («и...и...и»): образующие ее элементы гетерогенны, равноправны, между ними «союз и только союз», их связи имеют «поперечный» (нелинейный) характер, откуда возникает еще одно уподобление – ручью без начала и конца, совершающему перпендикулярное движение, подтачивая оба берега реки, – что в свою очередь акцентирует фактор самодвижения системы [5]. Ризома используется нами как модель для представления и описания системы группового сознания интеллигенции. Ризома – неопределенная вероятностная, как ее называют авторы – «мочковатая» система, порождающая в субъекте новый тип единства – «единства амбивалентности и сверхдетерминации» [3, с.11], что нельзя лучше позволяет описать и систему группового сознания интеллигенции, и ее социальную активность как группового субъекта модернизации.

Первые принципы, лежащие в основе устройства ризомы, – это *принципы соединения и неоднородности, гетерогенности*. Согласно им, каждая точка ризомы может и должна быть соединена с любой другой – ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе: «семиотические звенья любой природы соединяются здесь с крайне различными способами кодирования – биологическими, политическими, экономическими и т.д., запускающими в игру не только разные режимы знаков, но также и статусы состояния вещей» [3, с. 12]. В любом высказывании мы имеем дело не с идеальным говорящим-слушающим, а с целым сплетением маркеров власти, искусства, науки, «микropolitикой социального поля», жестикulations, сленгов и специализированных языков, и всегда есть язык, доминирующий в политическом многообразии, захватывающий власть.

Дискурс – это не язык, но без языка дискурс не может обходиться, так же, как и без других инструментов опосредствования/конструирования сознания. Мы рассматриваем групповое сознание интеллигенции как

гетерофеноменное, включающее такие элементы, как: миф, идентичность, дискурс, конфликт. Все эти понятия обозначают разные аспекты жизни индивидов и обществ и в то же время составляют предметную область различных наук. Миф – это система знаний и переживаний реальности, восходящая к самым первым типам человеческого общества, миф является живым, пока он выполняет свою этиологическую функцию – объяснения жизненного мира. Миф как форма мышления реален и в современных сообществах, а также является предметом исследования широкого круга гуманитарных дисциплин. В психологии близкими ему понятиями являются «образ» и «стереотипы». В первом случае мы можем иметь дело с живым мифом, а во втором – уже с выхолощенным и удаленным от «природы», превращенным в идеологию. Идентичность – феномен, который также изучается многими науками, и в психологии занимает существенное место. В разных науках «идентичность» описывается на разных языках, которые раскрывают суть этого феномена – самотждественность и тождественность миру. Конфликт – понятие также междисциплинарное, поскольку конфликт – неотъемлемая часть жизнедеятельности всех систем. Для психологии оно имеет особое значение, так как здесь мы рассматриваем не только уровень «очевидного» – действия либо декларируемые суждения, но и скрытые интенции, потребности, мотивы, эмоции. Дискурс как явление жизни также присутствует всегда и везде; как научное понятие не только связано с «лингвистическим поворотом» в науках, но имеет множество определений, дефиниций и уже вошло в психологический тезаурус.

Эти механизмы опосредствования/конструирования группового сознания интеллигенции, вероятно, не имеют определенного генетического источника (как и ризома – антигенеалогия), но прослеживаются на всем протяжении истории интеллигенции. Взаимосвязи взаимопорождения существуют между всеми феноменами (аспектами) группового сознания. Например: 1) *Идентичность* требует постоянной верификации признаков, особенно в условиях социальной нестабильности, для чего используется дискурс, то есть идентичность интеллигенции – дискурсивна; дискурсом постоянно воспроизводится *миф* об идентичности (о происхождении, о непрерывности развития, об исключительных качествах и т.п.); мифы делятся на позитивные и негативные, то есть *идентичность* интеллигенции характеризуется *конфликтом* (дивергенцией) представлений о роли группы в общественной структуре: политическая деятельность/культурно-просветительская деятельность. Таким образом, миф, конфликт и дискурс порождают идентичность.

2) *Конфликт* порождается мифом, идентичностью и дискурсом, и в них же проявляется, т.к. *мифы* противоречивы (негативный и позитивный), *дискурс* антиномичен, поскольку поддерживает либо негативный, либо позитивный миф, и конструирует соответственно позитивную либо негативную *идентификацию*. Кроме того, групповое сознание и самосознание *конфликтно*, т.к. оно не только противопоставляет интеллигенцию другим группам, но осуществляет разделение внутри группы на «подлинных» и «неподлинных» интеллигентов. При этом участники группы обладают индивидуализированным сознанием, что затрудняет постановку и реализацию групповых целей, осознания групповых потребностей и интересов.

3) *Миф* порождается и поддерживается конфликтом, дискурсом и идентичностью. *Конфликт* самоооценок и самоотношения порождает мифы с разным полюсом оценки. Об этом писал еще В.О. Ключевский, когда характеризовал первых книжников. *Идентичность*, возникающая на основе первых мифов, посредством *дискурса* постоянно вносит свою лепту в их поддержку для того, чтобы обеспечивать устойчивость самосознания, оценку и определенные ожидания со стороны других групп общества. Поддерживаются то одни мифы, то

другие, соответствующие потребностям группы в разные периоды времени. При этом другие группы в оценке интеллигенции также апеллируют к сконструированным ею самой мифам.

4) *Дискурс* конструируется тремя другими элементами и сам их конструирует. Идентичность – цель и результат дискурса, он осуществляется ради конструирования *идентичности*. Поскольку она почти всегда неясна и неустойчива, то постоянно существует необходимость дискурсивного опосредствования. Дискурс возникает и разворачивается вокруг *мифов* об интеллигенции: плохая она или хорошая, или исключительная; своя или чужая; подлинная или неподлинная и т.д. Как видим, дискурс антиномичен, поскольку изначально существует *конфликт* группового сознания и самосознания.

Третий принцип, который характеризует ризому, – это принцип *«множественности»*. Последняя должна пониматься сама по себе, вне связи как с субъектом, так и с объектом – «нет единства, которое служило бы стержнем в объекте или разделялось бы в субъекте» [3, с. 14]. При ризоматическом подходе, таким образом, главенствующая роль отводится не точкам контакта, а линиям, соединяющим точки. «Ризома, или множественность, не позволяет себя сверхкодировать» [3, с. 15] – на наш взгляд, такая гносеологическая модель весьма адекватна системе группового сознания интеллигенции. Об интеллигенции писать очень легко – любую возникшую идею можно проиллюстрировать и подтвердить огромным количеством цитат. Но и сложно по той же причине, так как существует другое количество речевых множеств, опровергающих ту или иную идею. Кроме того, один и тот же текст можно интерпретировать совершенно противоположным образом. «Множества определяются внешним – абстрактной линией, линией ускользания или детерриторизации, следуя которой, они меняют природу, соединяясь с другими множествами» [3, с. 15]. Попробовать обнаружить внутренние линии, соединяющие множества – и есть наша задача анализа дискурсивного опосредствования группового сознания интеллигенции. Здесь множественность, прежде всего, обуславливается конфликтом как динамической характеристикой группы. Причем конфликт этот дивергентный, неразрешимый, который проявляется на уровне сознания и деятельности интеллигенции – двойственность установок, мировоззрений, самоотношения. Множественность связана и с неразделимостью субъекта и объекта интеллигентского дискурса – ни одна группа не находится в такой ситуации, поскольку рефлексией общественного устройства, ролей, статусов, конфликтов других групп, как правило, занята также интеллигенция. Интеллигенция является объектом и субъектом процесса познания, при этом ризомная форма группового сознания обуславливает идеологическую автономию личности внутри группы – у каждого ее представителя фактически собственное мировоззрение, свое представление об образце поведения интеллигенции и интеллигентов.

Следующий принцип, имманентный ризоме, получил название принцип *«а-означающего разрыва»* [3, с. 16] (в других переводах – «незначащего разрыва»). Согласно ему, корневиче может быть разорвано в любом месте, но, несмотря на это, оно возобновит свой рост либо в старом направлении, либо выберет новое. «Мы создаем разрыв, проводим линию ускользания, но всегда рискуем обнаружить на ней организации, рестратифицирующие совокупность, образования, возвращающие власть означаемому, атрибуции, восстанавливающие субъекта...» [3, с. 16]. История российской интеллигенции показывает, что, несмотря на все трудности, которые претерпела эта группа (унижение, уничтожение), она все равно восстанавливается, возобновляет свою антиномичную активность, реконструируя в дискурсе биографию; уточняет дефиниции идентичности, опираясь на миф, тем самым восстанавливая означаемое, захватыва-

вая его код.

Последними принципами, заложенными в основу построения ризомы, являются *«картография и декалькомания»*. С их помощью Ж. Делез и Ф. Гваттари заявляют, что ризома – это не механизм копирования, а карта с множеством входов. Противопоставляя кальку и карту, теоретики шизоанализа подчеркивают, что карта по своей природе открыта, подвижна, переворачивается и восприимчива к изменениям. Калька же, наоборот, не подвержена модификации, она не создает ничего нового и лишь копирует имеющиеся линии и очертания. Карта создает, калька – имитирует. Здесь аналогии с ризомой не так однозначны, поскольку групповое сознание имеет свойства как кальки (герметичный миф, воспроизводство всех признаков системы – дискурсивное конструирование идентичности, антиномичность сознания, конфликт, наконец – поиск генеалогии), так и карты (несмотря на сохранность элементов системы, она изменяется во времени, приспосабливаясь к реальным условиям, отчасти трансформируя первоначальное смысловое содержание).

Мы должны отметить еще одно сходство/отличие нашего понимания системы группового сознания интеллигенции от авторской ризомы. По сути, ризома представляет собой бесконечность, и для описания реальности такая модель подходит, однако для научного исследования работа с такой системой затруднительна. Поэтому наш гносеологический инструмент для изучения содержания группового сознания мы ограничили четырьмя механизмами опосредствования («плато» на языке Ж. Делеза и Ф. Гваттари). «Плато всегда посреди – ни в начале, ни в конце. Ризома состоит из плато... Каждое плато может быть прочитано с любого места и находится в соединении с каким угодно другим местом...» [3, с. 38-39].

Таким образом, нами определены теоретико-методологические основы исследования сознания большой социальной группы в условиях информационного общества и постнеклассической рациональности. Система механизмов опосредствования группового сознания интеллигенции описывается при помощи внеструктурной модели системы группового сознания – ризомы. Модель представляет собой нелинейную многомерную, характеризующуюся связанностью гетерогенных семиотических механизмов: герметичный миф, дивергентный конфликт, дискурсивная идентичность, антиномичный дискурс. Миф, идентичность и дискурс обеспечивают устойчивость группы, позволяя воспроизводиться каноническим структурам группового сознания интеллигенции; конфликт и дискурс обеспечивают его динамику. Работа в данном направлении представляется нам перспективной в отношении группового сознания не только интеллигенции, но и других исторически устойчивых больших групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. С.249 – 295.
2. Ключко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С.136–152.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И.Свирского, науч. ред. В.Ю.Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель. 2010. 895 с.
4. Пилюгина Е.В. Феноменология ризомы. Ризоморфные среды // Современные научные исследования. Выпуск 1. Концепт, 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://e-koncept.ru/article/1043/свободный>. Дата обращения: 14.07.13.
5. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада. 2001. 384 с.

UNSTRUCTURED METHOD OF GROUP CONSCIOUSNESS SELF-ORGANISATION

© 2013

E.V. Bakshutova, candidate of psychology, associate professor of the department of «General and social psychology»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The article deals with the problem of methodological approaches to the study of group consciousness of a large developing and historically stable group. The author examines a specific pattern of representation of the group consciousness of the intelligentsia, the rhizomatic system, which includes such aspects of group consciousness, as myth, discourse, conflict, identity. The concept of «discursive mediation of group consciousness» is suggested to explain the genesis of ideological group consciousness.

Keywords: group consciousness, atypical group, an unstructured model, discursive mediation, intellectuals.

УДК 81-11 004.738.5

МОДЕЛИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ МУЗЕЕ
САМАРСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

©2013

Ю.А. Белкина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русского языка, культуры речи и методики их преподавания»

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: В статье показано, как в ходе проектирования региональной модели виртуальных музеев научных школ было определено, что научная коммуникация способна стать «стержнем» презентации региональной науки в виртуальном пространстве региона и страны.

Ключевые слова: научная коммуникация, научная школа, популяризация науки, виртуальный музей.

Второе десятилетие XXI в. бросило высшему гуманитарному образованию новые вызовы. И эти вызовы можно сформулировать как

- 1) необходимость менять организацию научной работы в вузе;
- 2) необходимость менять организацию работы со студентами в вузе.

Эта двуединая задача решается путем обращения к научной коммуникации. Казалось бы, простое на первый взгляд сочетание слов отражает новый уровень внутринаучных взаимодействий.

В настоящее время НК рассматривается как самостоятельная отрасль знаний, обладающая как дисциплинарными, так и междисциплинарными особенностями; происходит становление дисциплинарных и интердисциплинарных сетей в интеллектуальном пространстве науки.

Современные ученые отмечают: теперь на смену дисциплинарности приходят уже не междисциплинарные исследования, а интердисциплинарные. Это такая сложность явлений, которая раскрывается в принципиальной неразложимости на составляющие. Это новое единство научного знания: полидисциплинарный синтез [1, 2].

Зачем указанный подход нужен преподавателю-гуманитариям?

Такой научный подход нужен при научной коммуникации преподаватель – преподаватель, преподаватель – студент при необходимости популяризовать науку, поскольку вузовская наука не может жить без популяризации.

Популяризация научных достижений нужна:

- 1) науке для оправдания своего существования в глазах общества;
- 2) государству – для повышения уровня адекватности принятия решений;
- 3) бизнесу – в стратегическом плане для обеспечения потока квалифицированных кадров;
- 4) обществу – для удовлетворения фундаментальной потребности каждого человека в познании и для поддержания стандартов критического мышления.

Лингвисты говорят о важности популяризации науки. Л.П. Крысин отмечает: «Лингвистика, как и почти всякая другая наука, существует не только в себе и для себя: она призвана распространять достигнутые ею результаты вовне – в среду неспециалистов, которые заняты иными, далекими от науки делами: варят сталь, водят

поезда, пашут землю... Многим из них, однако, безразличны судьбы родного языка и особенности языковой жизни общества» [3]. А член-корреспондент РАН В. Плуныян замечает, что проблемы популяризации лингвистических знаний связаны с тем, что о теоретической лингвистике среднему человеку известно очень мало. В школе нет такого предмета, а интерес к этой проблеме есть: людям всегда интересно то, что связано с языком, и с их родным, и с иностранными. Соответственно на месте лингвистических знаний у большинства людей вакуум. И этот вакуум, к сожалению, очень интенсивно заполняется всяким «фантастическим креативом», который при этом, увы, выдается за результат научного знания.

Мягкое сетование В.Плуныяна на «фантастический креатив» раскрывается в статье Л.П. Крысина печальными фактами ненаучности, безграмотности публичных людей. Во время беседы со священником, «экспертом» в передаче по радио «Россия», радиослушатели звонят и спрашивают о правильности употребления слов. Например, почему приюты раньше назывались домами призерия? [4] «В этих домах собирали людей, которых общество отторгает, презирает». Старый русский глагол призирать = «давать кому-либо приют и пропитание». Призирать и презирать – слова омонимы!

Другой пример – в передаче «Культурная революция» на телеканале «Культура» рекомендовалось по-разному произносить слово заговор в зависимости от значения: если о военном заговоре – то с ударением на первом слоге, а если о действиях колдуна, то правильно – только с ударением на первом слоге.

Как отмечают ученые, такая псевдопопуляризация только дискредитирует науку.

Суммарный итог проблемы:

- 1) популяризация должна иметь не случайный, а систематический характер;
- 2) нужно специально готовить журналистов, которые бы освоили научную проблематику;
- 3) необходимо достойное финансирование.
- 4) нужны новые формы.

А новые формы уже есть, они выкристаллизовались ко второму десятилетию XXI в. в научный театр, научные фестивали, устные выпуски научно-популярных журналов, научные кафе, онлайн-интервью ученых, научные автопробеги, виртуальные научные музеи.

В 2013 году опубликован роман А. Архангельского «Музей революции». Главный персонаж – историк и